Формы аффективного синтаксиса характеризуют также, в разных пропорциях, повествовательные части монолога героя и их композиционные наслоения. Ср.: «Батюшки, как вспыхнула! Глаза у ней голубые, большие, задумчивые, но — как загорелись!» (445); «Нет, не нашла места!» (446); «Да разве она не успокоилась? Она на другой же день слушала меня уже с улыбкою...» (469—470); «... она с самого начала, как ни крепилась, а бросилась ко мне с любовью, встречала, когда я приезжал по вечерам, рассказывала своим лепетом (очаровательным лепетом невинности!) все свое детство, младенчество, про родительский дом, про отца и мать» (451—452).

Устойчивый характер определенных способов выражения эмоций, повторяемость этих способов обнаруживаются в тексте «Кроткой» даже в пределах одного композиционного типа речи, например: «Главное, обидно то, что все это случай,— пустой, варварский, косный случай. Вот обида!» (473); «Нет никого — вот беда!» (474); «Люди на земле одни — вот беда!» (475); «Она тому не поверила, вот что!» (473); «Устала она в зиму, вот что...» (474); «Измучил я ее — вот что!» (474).

Наблюдается также — на протяжении всего текста — заметная устойчивость средств связи, сцепления между собой композиционных частей. Вот, например, характерные случаи ассоциативных переходов от одного типа речи к другому, как бы подражающие «естественному» устному говорению: «Хочется все это усвоить, всю эту грязь. О, грязь! О, из какой грязи я тогда ее вытащил!» (451; переход от рассуждений в типе «сейчас» к основному повествованию); «Тут-то я догадался, что она добра и кротка. Добрые и кроткие не долго сопротивляются и хоть вовсе не очень открываются, но от разговора увернуться никак не умеют...» (446; переход от повествования к сентенции); «... я так сказать действовал гордостью, говорил почти молча. А я мастер молча говорить, я всю жизнь мою проговорил молча, и прожил сам с собою целые трагедии молча» (452; переход от повествования к самохарактеристике).

Анализ синтаксической композиции всего текста «Кроткой» в его структурной целостности показывает, как в самом синтаксисе этого сказа с предельной непосредственностью отражено речевое состояние произносящего монолог героя, хотя сами его чувства остаются в сущности не названными. Создается иллюзия живой мысли, неспокойной, настойчиво ищущей «правды», возникающей непосредственно при нас. Здесь мы видим яркое проявление в синтаксисе «психологического реализма» Достоевского. В творчестве Достоевского, в других его произведениях, типы подобных психико-синтаксических соответствий чрезвычайно динамичны и многообразны. Малейший психологический или ситуационный сдвиг находит у Достоевского свое отражение в синтаксисе.

Изучение синтаксической композиции одного какого-либо художественного произведения — лишь первый и необходимый этап в исследовании индивидуального синтаксиса данного писателя. Система устойчиво повторяющихся, ожидаемых в определенных отрезках текста синтаксических построений, характеризующих стиль этого писателя, может быть выявлена в принципе лишь на более широком пространстве текста — при внимательном учете всего многообразия влияющих на синтаксис художественно-образных факторов.